

Максуд Ибрагимбеков

НАШ СОСЕД МАКЕДОН

Вот он стоит на углу. Второй час уже стоит. С прохожими здоровается, с соседями своими. Старательно здоровается, в глаза заглядывает. Стоит...

Ничего хорошего из этого не выйдет. Вы спрашиваете: что же в этом плохого, если человек стоит на углу около своего дома? А это смотря какой человек! Если этот самый Македон стоит на углу, то добра от этого стояния не жди. Точно установлено.

А может быть, он стоит на углу у клумбы с олеандрами и дожидается удобного момента, чтобы нарвать олеандров? Вряд ли. Не такой человек Македон, чтобы цветочки собирать. Цветы его не интересуют. Да и то сказать, кому в голову взбредет рвать олеандры? Самое последнее дело. Они хоть и яркие и пышные, но липкие все какие-то и пахнут новыми ботинками. Нет, на нашей улице никто из ребят олеандры рвать не станет, даже если над ними повесить табличку: "Цветов не рвать" или с каким-нибудь другим запрещением.

Правда, тетя Сури рассказывает, что один ее знакомый нарвал олеандров. Нарвал и положил этот букет на ночь рядом со своей кроватью в закрытой комнате. Утром открывают двери - нате вам, знакомый тети Сури умер, отравился от запаха олеандров. Тетя Сури говорит, что это просто ужас. А, по-моему, раз уж нашелся такой чудаки, который догадался и олеандров нарвать, и в летнюю жару закрыть окна и двери в своей комнате наглухо, то такому знакомому тети Сури наступило самое время отравиться олеандрами. И еще удачно ведь получилось, что он в эту ночь один спал в этой комнате.

Ничего хорошего этот знакомый тети Сури в своей дальнейшей жизни не добился бы. Это всем вчера стало ясно во дворе, как только тетя Сури рассказала эту историю. Но все подумали про себя, что, может, тетя Сури все это придумала: она любит придумывать страшные истории. Она их, наверное, придумывает от скуки: работа у нее очень однообразная.

Если вы когда-нибудь пойдете к нам на базар и услышите что кто-то кричит громким голосом, самым громким на базаре: "Дрожжи! Перец! Чайная сода!" - так вы знаете, что это соседка наша, тетя Сури. А вы сами понимаете, что если целый день громко кричать: "Дрожжи! Перец! Чайная сода!" - то в голову еще и не такое ползет.

А вчера тетю Сури было очень жалко...

Она была в гостях у завмага Абульфаза и гадала всей его семье на картах. Завмаг Абульфаз раньше работал на собачьей бойне, но оттуда его уволили за жестокое обращение с собаками. Одно время он был этим очень недоволен, всем жаловался и говорил, что его выжили завистливые сотрудники, но потом, когда устроился в магазин, успокоился и теперь ходит дома, а иногда и на улицу выходит в полосатой пижаме.

Они очень дружат: тетя Сури и семья завмага Абульфаза. Македон говорит, что не было бы этой дружбы, так тетя Сури не продавала бы на базаре дрожжи, перец и чайную соду -

неоткуда было бы брать. Но это он, наверное, со зла говорит, за то, что тетя Сури не берет его в помощники.

Так вот, тетю Сури вчера было очень жалко...

Она гадала, а семья завмага Абульфаза сидела и думала, что это означает: "в скором времени казенный дом". Сам Абульфаз побледнел и сказал, что в наше трудное время казенный дом ничего хорошего означать не может.

Тетя Сури начала их успокаивать и говорить, что, может быть, это будет даже новый магазин, ну, в крайнем случае, больница. Еще она сказала, что у Абульфаза за последнее время очень расшатались нервы, и поэтому ему во всем мерещится тюрьма. Она посоветовала Абульфазу пить бром - тетя Сури здорово разбирается в медицине.

Потом тетя Сури попрощалась и ушла.

Абульфаз только запер за нею на все засовы и замки двери - время было позднее, - как вдруг слышит страшные крики тети Сури, до того страшные, что прямо кровь в жилах у Абульфаза чуть не застыла: "Спасите! На помощь! Погибаю!.."

Завмаг Абульфаз на эти крики вылезать не стал. Очень ему нужно, чтобы грабители, которые раздевают тетю Сури или, судя по ее крикам, даже убивают, врывались в его дом. Кому это нужно, спрашивается? Недаром же Македон говорит про него, что Абульфаз на нашей улице самый умный человек. И вообще Македон его очень уважает. А Македон в людях разбирается.

А тетя Сури так кричала, так кричала!.. Даже громче, чем каждый день на базаре. На ее крики собралась соседи не только одного двора, а даже со всех других дворов этой улицы. Зажгли свет...

Оказывается, тетя Сури в потемках, а потемки были из-за всеобщего затемнения, угодила в колодец с водяным счетчиком. Тетю Сури вытащили. Она ничего, только колено ободрала, но все говорила, что у нее внутренние повреждения.

Вот только тогда открылась дверь, высунулся Абульфаз, не весь высунулся, наполовину, и спросил очень сонным голосом:

-Отчего народ собрался? Что случилось?

Это он притворялся сонным, потому что ему все-таки стало стыдно, но соседи давно уже знали, что этот Абульфаз страшный трус и на него ни в чем положиться нельзя.

Так вот, я у вас спрашиваю, как это случилось, что тетя Сури упала в колодец с водяным счетчиком? С чего это крышка люка оказалась открытой как раз тогда, когда тетя Сури вышла от Абульфаза? А ведь за час до этого Македон торчал на углу, вот как сегодня. За час да того, как тетя Сури упала в колодец...не догадались?.. Хм... Ну я теперь, конечно, не удивлюсь, если вы скажете, что в свободное время собираете олеандры. Ни капельки не удивлюсь. Самое подходящее для вас занятие!

А все-таки чего он стоит на углу? Интересно даже. А-а, понятно. Он Намика, оказывается, дожидался. Видите, вот идет, портфелем размахивает, вот тот, с оттопыренными ушами. И глаза у него широко раскрыты и блестят. Это Намик. Да нет, грыжи у Намика нет - у него эта

походка недавно появилась, после того как он увидел матросов с какого-то корабля. Из школы идет. И никто понять не может, отчего это, когда Македон говорит, Намик даже рот раскрывает, до того ему интересно. И во всем ему верит. Во всем!

Вот недавно, например, приходит Сашка Расулов, тот самый, со второго этажа, которому тетка на день рождения подарила книжку с надписью: "Дорогому Саше от дурной тетушки". Приходит Сашка и говорит, что он прочитал какую-то книжку о гипнозе и может любого загипнотизировать. Все вначале не очень поверили, а потом решили проверить.

Вообще от этого Сашки все что хочешь, можно ожидать - странный какой-то. В футбол не играет, и в купальню его силой не затащишь. Целый день читает. Он уже у себя дома все книги перечитал - а у них два огромных шкафа - и еще в библиотеку ходит. Все время читает, даже когда ест. И ничего не соображает в это время. Один раз у него ножницы в руках были, когда он читал, так он этими ножницами себе полголовы выстриг, пока не прибежала та самая "дурная тетушка" и не отняла их. Пришлось повести Сашку в парикмахерскую и постричь его под нулевку.

Решили проверить, как это Сашка всех загипнотизирует. Пошли к Намику. У него днем дома никого не бывает: 'и отец на работе, и мать.

Сашка выстроил всех ребят в круг, достал из кармана какой-то блестящий шарик и начал подносить его к глазам каждого из ребят, протяжно приговаривая при этом жутким голосом:

- Спать! Ты хочешь спать! Спать!..

Долго приговаривал. Никто не за гипнотизировался, хоть и очень всем хотелось. Только Македон вдруг закрыл глаза и сел на пол...

Сашка очень заволновался, даже вспотел и сказал, что теперь Македону можно внушить все, что хочешь. И начал Сашка приказывать Македону разные вещи.

Сперва сказал ему, что Македон - дерево. Македон сразу вытянулся и застыл, как столб, а Сашка приказал ребятам уложить Македона на стулья. Один стул ему подставил под макушку, другой - под пятки. И этот загипнотизированный Македон лежал, как турник, между двумя стульями, опираясь головой и ногами о самые-самые их краешки. И не согнулся, когда ему положили на живот три тома энциклопедии. Он согнулся, когда положили четвертый том, но Сашка объяснил, что человеческое тело "имеет свои пределы".

Потом Сашка внушил ему, что Македон - собака, и Македон начал бегать на четвереньках и лаять. Он даже задом вилял по-собачьи.

Мы чуть не по умирали от смеха и стали придумывать, что бы ему еще внушить.

Сашка предупредил, что он ему сейчас будет внушать более сложные вещи, и сказал Македону, что будто бы Македон - танкист и сейчас находится на фронте. Тут Македон стал с воем метаться по комнате и бросаться на людей. Хоть Сашка сразу же и приказал Македону остановиться, было уже поздно: Македон разбил стекло па письменном столе и опрокинул на паркет чер-нильницу. Он, если бы Сашка его не остановил, и оконные стекла побил бы, уже совсем было нацелился на них, но хорошо, Сашка его остановил.

Всем Намика стало жалко. Это не шутка, когда у человека в доме, в отсутствие родителей, случается такое. Если бы еще по очереди: сегодня стекло разбили, а через несколько дней залили чернилами паркет, - еще ничего, а если все сразу, в один день, то хоть из дому уходи. Намик расстроился, конечно, но ничего не сказал: известное дело, человек в гипнозе за свои действия не отвечает. Он только взял половую тряпку, намочил ее и стал вытирать пол. Долго вытирал. И мы потеряли все по очереди. Но все равно пятна остались. А Македон в это время стоял загипнотизированный. Намик кончил вытирать пол. И все снова занялись Македоном.

Сашка сказал, что теперь начинается самое главное: что если вот эту иголку с размаху воткнуть в Македона, то Македон ничего не почувствует. Так написано в той книге о гипнозе. Еще Сашка добавил, что он сам иголку втыкать не будет, и спросил, кто из ребят хочет это сделать. Никто не захотел. Все сказали, что это чересчур - целиком втыкать иголку, и решили запустить ее под кожу Македона слегка, до первой крови. Сашка попросил Намика принести йод, чтобы смазать им дырочку, после того как вытащит иголку...

И тут Македон открыл глаза и признался, что он раз гипнотизировался сам, без всяких приказаний. И вовремя же раз гипнотизировался, когда к нему уже подходили с иголкой...

Мы долго над этим думали. Даже Сашка сказал, что он не был в гипнозе. Но Намик нам не поверил. Он сказал, что Македон на такое не способен.

Намика вечером долго ругали. А он очень не любит, когда его ругают, особенно когда отец его ругает.

Сейчас Македон ждет Намика с таким нетерпением потому, что сегодня он в школу не пошел. Они в одном классе учатся, хоть Македон и старше на два года. Если вы думаете, что Македон ждет Намика, чтобы узнать у него, что на дом задали, то тут вы опять ошиблись. Он не потому его ждет. Просто, как началась война, нам в школе на большой перемене стали давать на завтрак по пирожку или булочке. Намик получил завтрак и за Македона и вот сейчас отдаст ему. Почему он в школу сегодня не пошел, этого никто не знает, а в классе он завтра скажет, что помогал своей больной маме. А мама у него никакая не больная, и если узнает, что Македон не пошел в школу, то такое ему задаст, что каждый сумеет догадаться, что больной маме наставить своему сыну таких здоровенных синяков просто не под силу. А Совушка, как только Македон расскажет свою сказку про больную маму, скажет:

-Да, дети, мы все переживаем очень трудное время и должны мобилизовать все свои силы.

Совушкой мы зовем нашу классную руководительницу, Софью Николаевну. Она во все верит. Лишь бы пожалостливее придумать, и она поверит сразу.

Вот вчера она говорит Македону на уроке:

- Почему вы надели носки разные! Надо быть повнимательнее и аккуратнее.

Все посмотрели, а у Македона на ногах и вправду носки разных цветов. Македон лицо сморщил так, как будто вот-вот заплачет, и говорит:

- А я, может, бедный? А может быть, у меня других нет?.. - нехорошо так говорит, с надрывом.

Ну Совушка, конечно, сразу смутилась, стала лепетать:

- Ах, извините, пожалуйста! Я не знала о вашем бедственном материальном положении.

И вдруг кто-то как закричит:

- Да как тебе не стыдно?! Это ты бедный? Это у тебя носков нет?!

А это оказывается, Вахид Ибадыч, преподаватель истории. Мы его между собой зовем Вагоныч. Он зачем-то зашел к нам на урок и услышал в дверях, что говорит Совушке Македон. А Вагоныча не обманешь - это не Совушка. Ну и досталось же Македону за эти носки от Вагоныча!

-А ну скажи, сколько у тебя пар носков?.. Ну! Македон встал красный весь и уставился в парту. Он-то знал, что Вагоныча лучше не обманывать, тот не поленится, пойдет проверит, а Македон очень не любит, когда его проверяют.

- Шесть.

- Шесть? Не стыдно тебе?..

Вагоныч добрый. А сейчас он еще рассердился, может быть, потому, что вернулся Вагоныч с заседания районо. И там как раз обсуждался вопрос о зимней одежде для нуждающихся детей. Оказывается, один мальчик из третьего класса здесь сентябрь проходил в купальном костюме своей матери. У нее пятеро детей, и на всех одежды просто не хватило. Вот этот ее сын из третьего класса и ходил в купальнике. Ему потом выдали в районо теплую куртку и штаны. А то его здорово все дразнили.

Македон и Намик после занятий шли домой вместе. Македон жаловался на то, что он невезучий: надо же было, чтобы именно в этот момент в класс пришел Вагоныч. Никогда раньше не было, чтобы Вагоныч приходил на чужие уроки.

Намик успокаивал Македона и советовал ему по утрам не торопиться и носки надевать одинаковые.

И вот сейчас на углу Македон ест булку и разговаривает с Намиком:

- Знаешь, мы стоим здесь, булки жуем, а бойцы на фронте только и видят, что черный хлеб и селедку иногда.

-Нет! Им и сгущенное молоко дают, и шоколад, и свиную тушенку. Все в первую очередь на фронт отправляют. Я это точно знаю. - Он точно знает! Это откуда же ты точно знаешь?

- Мне папа мой говорил. А он все знает!

-Твой папа? Много знает твой папа-дезертир!

Пораженный Намик несколько мгновений, не мигая, смотри! на Македона.

-А ну повтори! Чей отец дезертир?!

- Да ты не злись. Я же тоже понимаю, как это обидно, но ничего не поделаешь. Он - дезертир! Вот посуди сам: мой отец где? На фронте. Сашкин? На фронте. Каринкин, Заура, Али-ка - все на фронте. Вот Вагоныча не взяли, так он же хромой. А твой отец? Он же такой

здоровый, тебя одной рукой поднимает, а ты хоть на два года младше меня, а ведь вот какой - одного со мной роста. Так что ты не обижайся, но твой отец - дезертир! Это даже хорошо: тебе с матерью жить легче будет, потом на фронте ведь и убить могут, а здесь безопасно.

- Нет, мой отец не дезертир? - упрямо говорит Намик.

--Да ладно... Я же просто так - к слову пришлось, я и сказал. Не дезертир, так не дезертир, мне-то что. Я не военком. У Намика глаза стали какие-то задумчивые. И он этими

глазами своими задумчивыми смотрел, как доедает булку Македон. А Македон вдруг попрощался и ушел во двор.

Я знаю, чего это он ушел так быстро, - он увидел, что идет Каринка, а ее Македон терпеть не может.

Это соседка Намика, она в 18-й школе учится, поэтому приходит на этот угол на десять минут позже Намика. Ее школа ведь дальше, чем школа Намика.

Она кудрявая, эта Каринка, и всегда улыбается. Она всем дает ласкательные названия. Не скажет, как другой нормальный человек, "кружка" или "трамвай", а все "кружечка" или "трамвайчик", но у нее почему-то не противно это получается. И людей она так называет: Леня у нее - Ленечка, Заур- Заурчик. Но я еще ни разу не слышал, чтобы она Македона назвала Македончик., Даже когда они в ссоре еще не были, она его так не называла. А с Намиком они сперва конфеточными обертками обменивались, потом подружились.

У нас одно время в школе и во дворе помешались на этих обертках, картинках. Целые коллекции собирали. Самая большая коллекция была у Намика и Македона. Они вместе собирали. Каких только картинок там 'не было! Триста двадцать разных картинок. Всякие "мишки", "трюфели", "фруктовые", "кис-кис", а были ещё такие обертки, которых ни у кого больше в городе не было. Две большие картинки: на одной головка очень красивой женщины, а вокруг написано "Мэри Пикфорд", а на другой мужчина с усиками, похожий на завмага Абульфаза, и написано вокруг головы "Дуглас Фербенкс". А на одной картинке было написано "конфекта", и все спорили, опечатка это или раньше, может быть, конфеты назывались конфетками.

Вот такие редкие картинки ценились очень высоко, и на них все что хочешь можно было выменять. Македон, например, на эти картинки выменивал завтраки. А вообще у Намика с Македоном была самая лучшая коллекция во дворе и, наверное, даже в школе. Долго они ее собирали.

Потом в один прекрасный день Намик половину коллекции - те картинки, что он- сам собрал, - подарил Каринке. Как-то неожиданно все получилось. Намик сам не ожидал, что так получится. Македон страшно тогда на Намика рассердился. Он сказал, что Намик никакого права не имел раздаривать их общую коллекцию, а потом презрительно спросил, уж не влюбился ли Намик в Каринку. Намик сказал, что не влюбился, и покраснел. Мы думали, что они рассорятся тогда, Намик и Македон. Нет, не поссорились.

Македон ничего не сказал Намику, пошел поздно вечером, когда у Каринки дома все спали, и потребовал все картинки обратно. Каринкина мать вынесла Македону в коридор всю коллекцию Каринки. Дочь будить она не стала. И Македон отобрал все подаренные картинки. Намик с Македоном из-за этого несколько дней не разговаривали, а потом заговорили: он без Македона не может. Так они и дружат: отдельно Намик с Каринкой и Намик с Македоном.

Квартира у Намика хорошая, четыре комнаты, и все большие и светлые. Это самая большая квартира у нас во дворе, и кто-то назвал ее "Храм воздуха". Намику очень нравилось это название. И ему стало чуточку обидно, когда он узнал, что в Кисловодске есть настоящий "Храм воздуха". После того как началась война, в этой квартире жили во всех комнатах только летом, а зимой собирались в одной комнате - всю квартиру отопить было невозможно.

В тот день мама Намика сидела у окна, зашивала папин комбинезон и разговаривала с папой. Папа пришел совсем недавно. Намик, как всегда, полил ему на руки из бутылки с бензином, чтобы папа мог смыть с ладоней нефтяные пятна, потом они вместе пообедали. А теперь папа просматривает газету со сводкой и рассказывает, что он думает по поводу этой сводки Сов-информбюро, маме. По голосу папы чувствуется, что он очень устал и хочет спать. Это же не очень легко даже такому здоровому человеку, как отец Намика, каждый день по четырнадцать часов работать на нефтяных промыслах. Он очень хочет пройти в другую комнату и прилечь на полчаса, но отец Намика знает, что все это разговоры и что если он ляжет, то его не то что через полчаса, а утром добудятся с большим трудом. Отец Намика не идет в другую комнату и не бросается на свою кровать только потому, что он очень любит сидеть вот так и разговаривать со своим сыном и женой. А сын его сидит за письменным столом, за тем самым, с разбитым стеклом, и решает кроссворд "Вулканы".

- Четыре буквы... Этна. Ага. - Намик вписывает в клеточки очередное название вулкана. - Везувий. Сошлось... Мама, что это за вулкан с названием из восьми букв?

- Из восьми? Не помню что-то. Ты у папы спроси. "

- Может быть, Мауна-Лоа, - говорит папа. - Проверь.

- Правильно. А из тринадцати?

- Гм... Попокатепетль?

- Как?.. Ага. Сошлось. - Намик подписывает решенный кроссворд и заклеивает конверт.

- Это ты куда посылаешь? - заинтересованно спрашивает папа.

- В газету, в редакцию, они печатают фамилии первых, кто прислал правильные, ответы.

- Позволь, - удивляется папа, - мы же вместе решили кроссворд этот! Или ты там приписал, что мы его вместе решили? Нет? Я бы на твоём месте... Впрочем, как знаешь.

- Папа, - вдруг спрашивает Намик, - папа, ты дезертир?

- Намик!.. - Это, конечно, не папа закричал, это голос мамы.

Папа внимательно посмотрел на Намика и отложил газету.

- Нет, - тихо сказал он, - я не дезертир. А почему ты думаешь, что я дезертир?

- Потому что все на фронте... Отец Македона, отец Каринки... Все на фронте. А ты дома. Только ты не на фронте. Значит, ты дезертир!

_ Намик! - Это опять мама.

_ Но ты же знаешь... - сказал отец. Он говорил спокойно, но почему-то покраснел, может быть, потому, что его сын ни-когда еще с ним так не разговаривал, а может быть, по другой какой-нибудь причине. - Но ты же знаешь, что я инженер-нефтяник, работаю на промыслах, добываю нефть. Я же тебе говорил, что без нефти не могут работать ни самолеты, ни танки... Поэтому нефтяников посылают на фронт не всех сразу, а постепенно... Придет моя очередь - и я пойду. А пока я нужнее здесь. Ты понял?

Намик кивнул головой. Он молчал.

-Спокойной ночи! - сказал папа, погладил маму по плечу и ушел к себе.

А мама после ухода папы ничего Намику не сказала. И Намик молчал.

Намик еще почитал немного, а потом пошел спать. Он уже начал засыпать, когда вдруг увидел, что у его кровати сидит папа. Это было удивительно, потому что с тех пор, как папа стал работать на промыслах по две смены, он спал как убитый. И будили его утром Намик и мама с великим шумом. А сейчас никакого шума слышно не было. Видно, папа проснулся сам. Он сидел, курил и смотрел на Намика.

Намик вдруг вспомнил, когда папа так сидел у его кровати. Намик был тогда болен. У него было воспаление легких. Он по-том, когда выздоровел, ходил и рассказывал, что у него была температура сорок два градуса! И все ему во дворе завидовали. Но это, когда он выздоровел. А до этого ему приходилось очень плохо, хоть температура и была не сорок два градуса, а сорок с лишним. Это уже потом появились все эти пенициллины и тетрациклины, а тогда был только сульфидин, и его нельзя было достать ни за какие деньги. А папа где-то достал. И так вот, как сейчас, сидел ночью и смотрел на Намика. И он и мама. Потому что, когда Намик засыпал один, ему начинали сниться кошмары, и он просыпался. Они, наверное, сидели так и потому, что им было жалко Намика, своего сына, с оттопыренными ушами и всегда удивленными глазами.

А теперь папа сидел, молчал и курил, хоть мама ему категорически запретила курить в "детской".

- Это ты сам придумал, что я дезертир?

Намик мотнул головой. Было темно, но все равно было видно, что он отрицательно мотнул.

- Ты не думай, что твой отец дезертир. Я не дезертир. И ты можешь смело сказать любому человеку, что твой отец не дезертир! Скажешь?

Намик кивнул головой, и опять было видно, что он кивнул так, как кивают все люди, когда с чем-то соглашаются.

В дверях отец обернулся.

- И потом... Это чтобы ты знал на будущее. Дезертир не тот, который не идет на фронт, а тот, который убежал с фронта или из армии или оставил в беде товарищей. А теперь спи.

* * *

Утром Македон, как всегда, поджидает Намика на углу. Сегодня он идет в школу.

- Привет! Я сейчас такую картинку достал! "Баядера" называется. Смотри!

Намик посмотрел. На диване лежит девица с бубенчиками. Наверное, вкусная конфета была. Вернул.

- А ты знаешь, мой отец не дезертир. Просто он пока здесь очень нужен.

- Нужен!.. Все так говорят. Абульфаз тоже говорил, что без него здесь не обойтись. На фронт берут всех. Там все нужны - и нефтяники и завмаги. Кто ловчее, тот здесь и остается.

Намик подробно объяснил Македону, почему его отец должен пока находиться здесь.

А Македон засмеялся. До того ему все это смешным показалось.

Намик остановился и посмотрел на Македона. Вообще надо было бы подраться, но Намик еще ни с кем не дрался. А он здоровый, Намик. Во дворе только Македон больше него - на три раза - на турнике подтягивается. Намик остановился, а потом пошел дальше.

Видно, не догадался, что можно подраться.

Намик вернулся из школы, потом пришла с работы мама и начала готовить обед из яичного порошка. Намик походил немного по кухне, а когда мама попросила не мешать ей, пошел и позвонил Каринке, чтобы она спустилась во двор. Они всегда договариваются по телефону, а двери их на расстоянии трех метров друг от друга. Умора!

Намик вышел на площадку перед дверьми и вдруг увидел, что идет папа и несет что-то в своей шляпе, а шляпа сверху при-крыта газетой, а волосы папы падают на глаза, и он их не может отбросить, потому что двумя руками несет свою шляпу, а в ней что-то живое. И идет папа домой очень рано - он еще никогда так рано домой с работы не возвращался.

Папа зашел на кухню, положил шляпу на пол и снял с нее газету.

В шляпе, прижавшись, друг к другу, сидели желтые-желтые душистые цыплята.

Когда приподняли шляпу, они все разом запищали.

- Это тебе - сказал Намику папа.

Намик нагнулся и потрогал цыплят. Они подумали, что рука Намика - насадка, и собрались под его ладонью.

_ Это же ваша единственная шляпа! - ржавым голосом сказала мама. Она всегда начинала говорить с папой на "вы", когда хотела с ним ругаться. - И потом, для чего цыплята?

-Купим мне шляпу, когда я вернусь, - сказал папа. - Повестку мне принесли.

- Откуда вернешься? - шепотом спросила мама и села на табуретку. Бледной такой сразу стала мама.

-Когда?! - Сегодня ночью, - сказал папа.

Ночью они пошли провожать папу. Стоял поезд, и моросил дождь. Все были в одинаковой форме, но Намик сразу бы узнал своего папу в любой форме и даже со спины. Потом папа поцеловал маму и Намика поцеловал и подмигнул ему. Подмигнул не то что грустно, но и не особенно весело. И долго-долго махал им на прощание из окна вагона. А мама плакала, и Намик заплакал, хоть они тогда не знали, что видят своего папу в последний раз...

А цыплята были веселые. Они на второй день начали узнавать Намика - они, наверное, думали, что это их мать. Жили они в папиной шляпе, но потом мама сказала, что в шляпе жить цыплятам вредно из-за сырости. Цыплят перенесли в ящик из-под яичного порошка, сверху ящик перетянули шпагатом - ряды шпагата вдоль и поперек, получилось вроде решетки из шпагата. А в днище пробили дыру, чтобы был сток.

Цыплят кормили кашкой из яичного порошка. Ящик стоял на кухне, и Намик каждое утро приходил и смотрел на них. А в это утро Намик увидел, что в ящике не хватает одного цыпленка. Было пять, а теперь почему-то четыре. Пропал куда-то цыпленок. Пропал еще один цыпленок - второй. Так бы они, наверное, и пропадали все по одному, если бы Намик не проснулся в этот день очень рано, еще не рассвело даже, и не пошел на кухню проведать цыплят.

Он увидел, что цыплята мечутся в ящике, а за ними гоняется огромная крыса...

Намик помнил, как кричала на даче мама, увидев мышь. Тогда и Намик испугался. А мышь откуда-то знала, что ее боятся, потому что сидела столбиком и смотрела на Намика и маму, но когда пришел папа, мышь куда-то юркнула и больше на этой даче не появлялась - поняла, что с папой связываться не стоит. Так все это объяснил тогда папа. Но то была мышь, а это огромная, больше котенка, крыса. И откуда она появилась? Наверное, крысы

появляются среди людей во время войны и вообще, когда всем людям приходится несладко.

Она гонялась за цыплятами и вот догнала одного и вцепилась ему в горло. Цыпленок только пискнул. И тут Намик лег всем телом на ящик, чтобы крыса не могла выскочить, схватил ее за шерсть на шее. Шерсть была гладкая и противная.

Проснулась мама и тоже прибежала на кухню. Когда она увидела Намика, державшего за шиворот крысу, она не закричала, а принесла литровую банку, помогла засунуть крысу туда и положила на банку утюг, чтобы крыса не убежала. Потом она заставила Намика вымыть руки и велела ему отнести эту банку с крысой управдому, но это все когда рассветет, а теперь пусть Намик идет спать.

Когда утром Намик спустился с банкой во двор, его сразу же окружили все ребята нашего двора. Долго думали, что делать с этой проклятой крысой, а крыса смотрела сквозь стекло на обступивших ее людей, и было видно, как она всех боится и ненавидит. Чувствовалось, что, если бы эта крыса могла, она сожрала бы не только цыплят, а всех людей тоже.

Прибежала Каринка, посмотрела на крысу и сразу же затянула свое:

- А может быть, ее бедненькие детишки-крысочки сидят в подвальчике голодные, ждут, пока их мама принесет им покушать?

- Не крысочки, а крысята, - сказал Сашка.

- Не твое дело. Как хочу, так и говорю!

- Цыпленка чтобы она отнесла своим детишкам? - ехидно спросил Намик. - Нет уж! Ее надо убить. Только я не знаю как. Отдадим ее управдому - он знает.

И в это время появился Македон. Они с Намиком не разговаривают еще с тех пор... Ну вы же знаете, когда они поссорились. А теперь Македон подошел к Намику, посмотрел на крысу и присвистнул от удовольствия.

- А ну-ка дай!

Намик отдал банку Македону. Он всегда его слушается, что бы Македон ни сказал. Македон схватил банку и забежал к себе в дом, а потом снова выбежали все увидели, что он в банку налил какой-то желтой жидкости. Немного налил, но вся крыса была мокрая. А потом... никто сразу даже не понял, что происходит... Македон отодвинул утюг. Крыса начала выбираться в эту щель из банки, и тут Македон чиркнул спичкой. Крыса вспыхнула... Он же ее керосином облил, вот что! Крыса вспыхнула и заметалась по двору. Она громко пищала, очень громко, и перестала пищать только тогда, когда ее изо всех сил ударил лопатой прибежавший управдом.

Все стояли и смотрели на Макодена, а он стоял и улыбался.

- Крыса! - сказала ему Каринка.

Все посмотрели на Македона. Нет, на крысу не похож, а может, и похож...

И тут к Македону подошел Намик и ударил его. Ребята сразу отодвинулись, расчистили место - они думали, что сейчас начнется драка, но никто драться не стал. Намик постоял немного около Македона, а потом отошел в сторону. А Македон смотрел ему вслед и, видно, очень удивлялся - ведь Намик еще никого никогда не бил. И уж никто бы не подумал, что Намик может ударить Македона. Так и стоял Македон и удивлялся.

Тогда подошел к нему управдом, а они с Македоном терпеть не могут друг друга, и торжественно сказал ему:

- Если вы когда-нибудь поймете, молодой человек, за что вас сейчас ударили, то из вас еще может получиться человек! - Наш управдом всегда так странно выражается и непонятно.

А Намик и Македон теперь не в ссоре. Но Намик уже не слушает его с раскрытым ртом, и вообще теперь не поймешь, кто из них старше. А раньше это было ясно, стоило из них посмотреть, когда они вместе...

Поздно уже, пора домой. Слышите: "Каринэ! Маринэ! Чиримэ!" Это кричит Каринкина мать, сзывает своих дочерей, а это значит, что уже девять часов и мне пора тоже домой. Спокойной ночи!